

Балакшин В. С.

**О ФЕНОМЕНЕ ИНСТИТУТА ДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ
РОССИИ**

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/2/120.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 2 (2). С. 267-269. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Суханов Е. А. Гражданское право. В 4 т. Т. 1: Общая часть: учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлению 521400 «Юриспруденция» и по специальности 021100 «Юриспруденция» / [Ем В.С. и др.]; отв. ред. – Е.А. Суханов. – 3-е изд., перераб и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 720 с.

Чельшев М. Ю. Концепция оптимизации межотраслевых связей гражданского права: постановка проблемы. – Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2006. – 160 с.

Якушев В. С. О понятии правового института. Правоведение. 1970. №5 – 6.

О ФЕНОМЕНЕ ИНСТИТУТА ДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

Балакшин В. С.

Уральская государственная юридическая академия

В русском толковом словаре термин «феномен» трактуется как явление, в котором «обнаруживается сущность чего-нибудь» [Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. 1999: 850]. На данном этапе и науки, и практики уголовного процесса в России значение феномена приобрел институт допустимости-недопустимости доказательств. Однако, на наш взгляд, не того явления, которое раскрывает сущность, например, доказательств, процесса доказывания, правил или методики оценки доказательств, а того, от которого (исходя из безальтернативной значимости его процессуальных последствий) зависит результат рассмотрения любого уголовного дела. В этом смысле автор склонен использовать указанный термин (феномен) в кавычках, как нарицательный.

Причин сложившейся ситуации несколько. Однако одной из главных, на наш взгляд, является то обстоятельство, что законодательно не определены понятия допустимости, относимости и достоверности. Т.е. сущности тех свойств, анализ которых позволял бы правильно решать вопрос о том, оставлять то или иное доказательство в системе доказательств по делу, либо исключать как не имеющее юридической силы. В результате не только в судебной и прокурорско-следственной практике, но и в теории имеет место смешение указанных понятий. При этом наблюдается такая тенденция, что, как правило, признаются недопустимыми и исключаются из процесса доказывания не только доказательства, действительно являющиеся таковыми, но и те, которые отвечают данным требованиям или, хотя и вызывающими сомнения, однако с точки зрения совершенно других свойств - относимости и (или) достоверности.

Так, опрос практических работников из числа дознавателей, следователей, прокуроров, судей показал, что 80% из них толкуют допустимость доказательств расширительно, полагая, что недопустимыми доказательствами следует признавать такие, которые вообще не соответствуют требованиям уголовно-процессуального закона, в том числе с точки зрения относимости и достоверности. Иначе говоря, допустимость ими рассматривается как более широкое по содержанию свойство, аккумулирующее два других – относимость и достоверность [Балакшин В. С. 2004: 6].

Между тем требовать от правоприменителя безукоризненности в решении данных вопросов, хотя иное зачастую влечет к серьезным ошибкам при осуществлении правосудия, было бы наивно. Дело в том, что логика в их рассуждениях при принятии указанных решений, без всякого сомнения, присутствует. Она заключается в том, что с позиции конечных процессуальных последствий неотносимые, недостоверные и недопустимые доказательства разграничить достаточно сложно. И те, и другие, и третьи не могут быть положены в основу, по меньшей мере, обвинительного приговора либо постановления о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям. Названное обстоятельство объединяет все доказательства, не отвечающие любому из указанных свойств (характеристик), и это же выступает основным фактором, побуждающим правоприменителя не допускать, подчеркиваем, не допускать такие доказательства в процесс доказывания. Но если доказательство выбраковывается, не допускается в процесс доказывания, то как его можно квалифицировать? Правильно, как *недопустимое*.

Однако приведенное, на первый взгляд, логически безукоризненное обоснование такого вывода оказывается ошибочным, если данную проблему исследовать глубже, сопоставляя и анализируя сущностные признаки категорий относимость, достоверность и допустимость.

По сути, общепризнанно, что относимость доказательств – это такое их свойство (характеристика), которое указывает на наличие пространственной, временной и причинно-следственной связи между сведениями о фактах, содержащимися в установленном законом источнике, и обстоятельствами, имеющими значение для правильного разрешения уголовного дела.

Достоверность доказательств можно рассматривать в двух смыслах: как вывод уполномоченного лица об этом и как уголовно-процессуальную характеристику отдельно взятого доказательства. В рассматриваемом нами контексте достоверность следует определить во втором смысле. Исследования данного вопроса позволяют достоверность в этом смысле определить как такое свойство доказательства, которое выражается в соответствии сведений, содержащихся в источнике, обстоятельствам, имевшим место в действительности, а также ставшим известными подозреваемому, обвиняемому, подсудимому, потерпевшему, свидетелю, органам расследования, прокурору, суду в процессе выполнения следственных, судебных и иных процессуальных действий.

Допустимость доказательств есть соответствие его предусмотренным уголовно-процессуальным законам требованиям с точки зрения способов и порядка собирания, закрепления и проверки фактических данных и их источников, а также сроков, в течение которых допускается производство следственных, судебных и иных процессуальных действий, выполняемых с целью получения доказательств.

Анализ приведенных понятий, по мнению автора, позволяет показать и главное - существующее между ними и различие, и основное сходство. Они заключаются в том, что доказательства, не отвечающие требованиям относимости и достоверности, вполне могут быть допустимыми. И, напротив, недопустимое доказательство может быть и относимым и достоверным. При этом любое указанное несоответствие предполагает одинаковые процессуальные последствия, а именно: доказательство, не отвечающее хотя бы одной из указанных характеристик, признается не имеющей юридической силы и не может быть положено в основу судебного решения.

Однако существуют еще два различия, которые нередко, как показывает анализ судебной практики, банально игнорируются. Эти различия заключаются в порядке признания доказательств, с одной стороны, недопустимыми, а с другой – не отвечающими требованиям относимости и достоверности, а также в процессуальных последствиях, наступающих непосредственно после принятия решения о признании доказательства недопустимыми. По сути, они определяют те, о которых говорилось выше, но отличают от последствий, которые распространяются на доказательства, не отвечающие требованиям относимости и (или) достоверности.

Порядок признания доказательств недопустимыми если не детально, то, по меньшей мере, с достаточной полнотой регламентирован в УПК РФ. Согласно ч. 3 ст. 88 УПК РФ на досудебных стадиях судопроизводства доказательство признается недопустимым прокурором, следователем, дознавателем по ходатайству подозреваемого, обвиняемого или по их собственной инициативе. После направления дела в суд ходатайства о признании доказательств недопустимыми и исключении их из перечня доказательств, предъявляемых в судебном разбирательстве, рассматриваются в судебном заседании. Решение по данному вопросу оформляется постановлением, определением (ст. 235, ч. 4 ст. 236 УПК РФ). Подобного порядка признания доказательств не отвечающими требованиям относимости и достоверности уголовно-процессуальный закон не предусматривает. Представляется, что данное решение законодателя обоснованно и логически правильно. Ибо противоречило бы здравому смыслу, концептуальным положениям уголовного процесса признание доказательств таковыми до их тщательного исследования в условиях судебного разбирательства и оценки в совещательной комнате в совокупности со всеми другими. Иной подход, как свидетельствует судебная практика, влечет за собой серьезные ошибки не только при оценке отдельно взятого доказательства, но и при принятии итогового решения.

Следовательно, необходимо четко разграничивать недопустимые доказательства и доказательства, не отвечающие требованиям относимости и (или) достоверности. Смещение или отождествление указанных характеристик доказательств приводит к тому, что в итоге и вторым, и третьим присваивается, образно говоря, гриф «недопустимости», они не просто преждевременно, а необоснованно исключаются из процесса доказывания, не проходят надлежащей процедуры проверки и оценки в условиях судебного следствия и зачастую без достаточных оснований утрачиваются как доказательства. Хотя при надлежащем к ним отношении могли бы сохранить статус доброкачественных доказательств и явиться необходимой фактической и процессуальной основой для принятия иного, законного и обоснованного решения, нежели то, которое выносится в их отсутствие.

Таким образом, допустимость-недопустимость доказательств фактически подменила собой две других их характеристики, не менее важные и необходимые для оценки доказательств в уголовном процессе – относимость и достоверность, превратившись в своеобразный нарицательный феномен. Феномен, который был призван решать конкретные и благие задачи, но в силу указанных причин порождаящий пока больше проблем, нежели их разрешающий. И, более того, способный в силу своего несовершенства определить судьбу практически любого дела вследствие признания недопустимым одного доказательства, являющегося базовым, поскольку все остальные автоматически признаются таковыми в силу так называемого правила «плодов отравленного дерева». Либо в силу того, что суду в настоящее время проще вынести оправдательный приговор или прекратить уголовное дело, чем проводить скрупулезный анализ косвенных доказательств, тщательно оценивать каждое из них в отдельности и все в их совокупности, чтобы установить и обосновать обстоятельства дела так, как они имели место в действительности, и на этой основе вынести законное и обоснованное решение. И это несмотря на то, что, по большому счету, без последнего условия немислимо объективное, гуманное и справедливое правосудие.

Учитывая изложенное, понятие недопустимость доказательств из феномена в нарицательном смысле действительно трансформировалось в важнейший институт, являющийся гарантом установления истины и постановления законных и обоснованных решений в уголовном процессе России, необходимо, по нашему мнению, следующее:

Во-первых, глубоко исследовать и дать научно обоснованное определение понятиям «допустимость» и «недопустимость» доказательств в уголовном процессе, определить критерии разграничения допустимости доказательств с такими их характеристиками как относимость и достоверность.

Во-вторых, определить в УПК РФ более четкий порядок признания доказательств недопустимыми и исключения их из процесса доказывания.

В-третьих, основываясь на полученных теоретических положениях внести необходимые изменения и дополнения в УПК РФ, которые бы позволили привести его в части, касающейся определения понятий допустимость и недопустимость доказательств, в соответствие с Конституцией РФ, а сам этот институт – с его истинным концептуальным предназначением.

ПРАВОВОЕ ПОЛЕ В ЗОНАХ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Баранов Ю. В.

Институт экономики, управления и права, г. Казань

До сих пор процессы в правовой сфере принято рассматривать относительно устойчивых систем социума и государства. Однако системы общества и государства становятся все более неравновесными, неустойчивыми. Их состояния могут быть охарактеризованы как пограничные, когда будущее системы зависит от развития событий во всех сферах: экономике, политике, экологии и т.д. Б.С. Братусь и В.Н. Кудрявцев пишут, что общество в России находится одновременно в агонии старого и муках рождения нового, это общество краха, слома одной идеологии и культуры и несформированности еще культуры другой [Кудрявцев 2002].

Таким образом, в России правовые процессы подпадают под общие процессы зоны пограничной культуры. Рассматривая эволюцию пограничных культур России и Латинской Америки, В.Б. Земсков признается, что научного инструментария и методологии для объективных исследований в данной сфере до сих пор не разработано [Земсков 2000]. Но возможен анализ аналогичных процессов. Известный латиноамериканский исследователь Л. Сеа говорит о необходимости разрешения в зонах диалога культур различных антиномий: «варварство – цивилизация», «традиция – инновация», «локальное – универсальное». Первая антиномия – «варварство – цивилизация» – рассматривается Л. Сеа как идущее еще со времен первобытности извечное противостояние «мы – они» [Масалова 2007]. Он пишет о том, что латиноамериканский мир (как азиатский и африканский) всегда оценивался западным сообществом как некий вторичный продукт. Европа, Запад выработали идею человека и культуры, которые стали мерилем любого проявления человеческого и культурного начал. Истоки европоцентристского взгляда на мировой исторический процесс в античности, по его мнению, были заложены в так называемом «аристотелевском прецеденте». Дихотомия «господин-раб» в последующем превратилась в дихотомию «гражданин – не-гражданин», породив в итоге главную идею европейского мира: о превосходстве христианского идеала человека, идеала, который надо было распространить и реализовать на нехристианских территориях. Л. Сеа пишет, что имея своей целью расширить границы европейской ойкумены, европейский мир попытался в конце концов «полностью универсализировать себя в людях и народах, еще недавно бывших на периферии ее древних границ».

Второй антиномический ряд – «традиция – инновация» – является, по мнению Л. Сеа, развитием первого антиномического ряда, но на трансляционном уровне. Он пишет, что традиция – это, в буквальном смысле слова, любые человеческие практики, представления, институты или артефакты, которые передаются из поколения в поколение, т.е. транслируются. Инновация же – это любое нововведение, обновление, модернизация. В любом обществе, в любой культуре имеют место быть и исходные традиции, и их модернизированные образцы. В Латинской Америке два традиционных комплекса: индейский, представлявший собой традиции доиндустриального общества, живущего в согласии с природой; и испано-иберийский, представлявший традиции индустриально развитого, урбанизированного, рационального и прагматичного общества, вступив во взаимодействие, сразу породили множество противоречий. Каждая из сторон в указанной ситуации пытается сохранить свою традицию и по возможности сделать ее доминирующей.

Л. Сеа вместе с тем пишет о том, что испанцы принесли в данную часть света уникальный опыт смешения рас, что превратило его в своего рода тигель рас и культур, имевший огромное значение. Христианизация Латинской Америки позволила этому миру войти в универсальную христианскую культуру. Соответственно антиномический ряд – «локальное – универсальное» он рассматривает в русле процесса культурно-исторической метисации, объединения крови в результате этого, в русле взаимопонимания на основе синтеза нового в языке, культуре и религии. Стремление латиноамериканской культуры к универсализму является для Л. Сеа стремлением к формированию преобразованной модели или прототипа всемирной универсальной культуры, где каждая локальная культура будет занимать равноценное и равнозначное место. Тогда наступит время конца старых форм отношений, порожденных дихотомией цивилизации и варварства; центра и периферии [Масалова 2007].

После распада Советского Союза североамериканская и европейская культуры начинают транслировать через каналы массовой коммуникации свои образцы и на территорию России. Но еще в середине XX века Г. Шиллер предупреждал, что поставка продуктов информационных технологий, «состоящих главным образом из рекламы, насилия и импортируемых фильмов» в различные регионы мира способствует деградации населения в них, насаждению криминальной субкультуры [Шиллер 1980]. Применительно к России технологии манипуляции массовым сознанием показывают свою несостоятельность, ибо она является зоной активного диалога культур. Другими словами, на ее территории идет формирование новой культуры на основе множества имеющихся в наличии культур.

В данном русле можно утверждать, что космо-циклическое видение мира, имевшее место в древности и сохранившиеся у некоторых народов, населяющих территорию России, может быть в той же мере полезным, как